
ФРАНЦУЗСКИЕ ЛЕВЫЕ В РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ: 1917-1921 гг.

Т.В. Краева

Участие французских левых в революционной борьбе в России, на первый взгляд, может показаться темой, достаточно широко освещенной еще в советское время, когда отечественная историография изобиловала работами о деятельности по защите завоеваний Октября как отдельных «пролетарских интернационалистов», так и иностранных коммунистических групп, в том числе и французской¹. Особенно следует отметить работы Л.М.Зак, а также серию статей во «Французском ежегоднике 1977», приуроченных к 60-летию Октябрьской революции². Внося значительный вклад в изучение данной проблематики, указанные исследования не лишены, однако, недостатков, обусловленных своеобразием эпохи их появления на свет. В частности, в работах советского периода о французских левых, ставших активными участниками революционных событий в России, речь идет, прежде всего, о тех, кто либо героически погиб почти сразу после начала революции

Татьяна Васильевна Краева — кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории Уральского государственного университета им. А. М. Горького.

1 Эльфонд Я.А. О деятельности иностранных групп Российской коммунистической партии (большевиков) в годы гражданской войны и интервенции. М., 1969; Черепнина И.Д. Иностранные коммунистические группы в Советской России и их деятельность // Пролетарский интернационализм — боевое знамя коммунистической партии. М., 1969; Коновалов В.Г. Иностранная коллегия. Одесса, 1958; Цвиллюк С.А., Гуляк А.И. Деятельность французских коммунистов на Украине в 1919 году // Украинский исторический журнал. 1970. № 12.

2 Зак Л.М. Они представляли народ Франции. М., 1977; Она же. Деятельность Французской коммунистической группы РКП(б) в 1918-1919 годах // ВИ. 1960. № 2; Она же. Славные традиции солидарности. М., 1962; Она же. Ленин и французские интернационалисты в 1918-1919 гг. // Участие трудящихся зарубежных стран в Октябрьской революции. М., 1967; Вильдер М.З. Французские интернационалисты в защиту Великой Октябрьской социалистической революции // ФЕ 1977. М., 1979; Кузнецова Н.В. Советская Россия и Франция (ноябрь 1917 — ноябрь 1918) // Там же.

в России (например, Жанна Лябурб, Раймон Лефевр), либо был окружен ореолом славы революционного борца и в своей стране (например, Жак Садуль, награжденный советскими властями в 1927 г. орденом Красного Знамени, а французскими – трижды заочно приговоренный к смертной казни за поддержку большевизма), либо проявлял сервильное отношение к советскому руководству. Все, кто обладал независимостью мышления или со временем отошел от коммунизма, выпадали из поля зрения историков и, в лучшем случае, упоминались вскользь. Так, в своей обобщающей статье Л. Ланжевена лишь мельком отметил, что помимо других во Французскую коммунистическую группу в Москве входили также «Гильбо и Паскаль, ставшие в дальнейшем ренегатами». Зато излюбленные фигуры советской историографии – Ж. Садуль и Ж. Лябурб – по его оценке, «сыграли важную роль в подпольной работе»³. Для современной же историографии отношения французских левых, оказавшихся в революционной России, с советской властью и их участие в предпринятых ею преобразованиях остаются на периферии исследовательского пространства. Правда, в постсоветский период, благодаря усилиям отечественных историков, у нас в стране вновь стали известны имена таких французских левых, как П. Паскаль и В. Серж⁴.

Впрочем, настоящая тема заслуживает дальнейшей разработки, причем не только организационные формы участия французов в революции и Гражданской войне в России и их деятельность в поддержку большевизма, но и эволюция идейно-политических взглядов французских левых в результате соприкосновения с российскими реалиями.

Революция еще с конца XVIII в. традиционно воспринималась европейской левой культурой как наиболее эффективное средство преобразования социальной действительности. Соответственно революция 1917 г. в России рассматривалась французскими левыми как начало

3 Ланжевен Л. Французская интеллигенция и Октябрьская революция // ФЕ 1967. М., 1968. С. 22.

4 Бабинцев В., Иваницкий В. Вступ. статья к публикации Сержа В. Из «Полночи века» // Родина. 1991. № 4; Бабинцев В. Вступ. статья к публикации Сержа В. «Ленинградская больница» // Звезда. 1994. № 6; Бабинцев В., Лукьянин В. Свидетель защиты // Серж В. Полночь века; Дело Тулаева: Романы: [Пер. с фр.]. Челябинск, 1991; Бабинцев В. От переводчика. Вступ. статья к публикации Сержа В. «Годы без пощады» // Урал, 2002. № 6; Бабинцев В.А. Виктор Серж – свидетель эпохи «направляемой литературы» // Цензура в России: Материалы Международной научной конференции. Екатеринбург, 1996; Жукова И.В. Виктор Серж о советском тоталитаризме // Виктор Серж: социалистический гуманизм против тоталитаризма. М., 2003; Данилова О.С., Л.В. Слуцкая Л.В. Виктор Серж и Пьер Паскаль: попутчики большевизма // Там же.

справедливого переустройства мира. Число европейских левых политиков и мыслителей, побывавших в России в 1920-е и 1930-е гг., достаточно велико. Отправляясь туда, они ставили перед собой задачу если не активно участвовать в преобразованиях новой власти, то разобраться в ситуации на месте и определить свое отношение к ней. Трудно возразить против утверждения Д. Кота, что в начальный, «романтический» период большевизма «очень немногие возвращались разочарованными»⁵. Первоначально часть французских левых с оговорками или без оных включилась в революционные преобразования, выступив в качестве партийных активистов (В.Серж, Р. Лефевр, Б. Суварин, А. Гильбо, П. Вайян-Кутюрье, А. Барбюс и др.); другая – поддерживая в принципе идею социальной революции и восторженно приветствуя, в частности, русскую, предпочитала определенное время оставаться в роли благожелательных наблюдателей реальности (Р. Роллан, Ж. Геенно, Ж.-Р. Блок, А. Франс и др.). Далее я рассмотрю, прежде всего, первую группу.

Советская власть была заинтересована в том, чтобы привлечь сочувствующих иностранцев к делу служения большевизму. В начале 1918 г. при ЦК РКП (б) была создана Федерация иностранных групп, находившаяся под постоянным контролем и влиянием партии. По свидетельству одного из членов Французской коммунистической группы в Москве Марсея Боди, «идея Ленина и Троцкого при формировании Федерации иностранных коммунистов состояла в том, чтобы создать из нее рассадник большевистских активистов с целью использования их в России либо в Красной Армии, либо на другой службе; но, прежде всего, они нужны были для того, чтобы по возвращении на родину стать в своих странах источником революционной доктрины в том виде, в каком она представлялась и применялась партией большевиков»⁶.

Первоначально в состав Французской коммунистической группы входили, основном, бывшие русские эмигранты, жившие ранее во Франции и Швейцарии, и только несколько французов, наиболее заметной фигурой среди которых, без сомнения, была Ж. Лябурб. Впоследствии в деятельности группы в разное время участвовали Ж. Садуль, М. Боди, Р. Пети, П. Паскаль, В. Серж, Р. Маршан и др. Более широкий размах ее активность начала приобретать с сентября 1918 г. после всту-

5 *Caute D.* Le communisme et les intellectuels français 1914-1966. P., 1967. P. 80.

6 *Body M.* Les groupes communistes français de Russie 1918-1921. P., 1988. P. 12.

пления в нее бывших членов Французской военной миссии (ФРАМИС) в России Садуля и Паскаля. Многие современники отмечают, что капитан Садуль был знаком лично с Лениным и находился в дружеских отношениях с Троцким. Именно эти тесные связи с большевистскими лидерами позволили Садулю укрепить свое влияние в группе и вывести ее на новый уровень работы. Основные задачи, которые ставили перед собой члены группы можно свести к следующим: а) революционная работа среди иностранных солдат и матросов, агитация военнопленных, издание брошюр и листовок для распространения в армии интервентов; б) выпуск еженедельного издания на французском языке под названием «III Интернационал», где освещались наиболее важные события, декреты советской власти, опыт зарубежного революционного движения.

К большевизму члены группы приходили разными путями. Были среди этих людей те, кто изначально стоял на левых позициях, – представители различных идейно-политических течений в рамках левой традиции. Другие первоначально не только не принадлежали к левому лагерю, но были убежденными монархистами, сторонниками царизма и лишь во время Первой мировой войны и русской революции постепенно изменили свои воззрения.

Интересно, как пришел к большевизму один из наиболее влиятельных членов Французской коммунистической группы, Жак Садуль. Ранее парижский адвокат и социалист по убеждениям, он занимал пост атташе при Французской военной миссии в России и вел активную переписку с А. Тома, министром военного снабжения Франции в годы Первой мировой войны. Идеиный путь Садуля к большевизму подробно описан в книге его воспоминаний «Записки о большевистской революции».

Французская военная миссия прибыла в Петроград в 1916 г. Ее главная задача состояла в том, чтобы удержать Россию в войне. Однако сразу же Садуль фиксирует едва ли не поголовное неприятие войны русскими вне зависимости от их социального статуса и политических взглядов. Периодически информируя французское правительство о событиях в России, он отмечает: «Основной вывод из первых наблюдений – надеюсь, что в дальнейшем мой опыт не опровергнет его правильность, – таков: стремление к миру – немедленному и любой ценой – здесь всеобщее»⁷.

⁷ Садуль Ж. Записки о большевистской революции (октябрь 1917-январь 1919). М., 1990. С. 14.

Антивоенная позиция большевиков привлекла к себе особое внимание Садуля. Спустя два дня после захвата ими власти он писал: «Я не большевик. Вижу, сколь велико зло, принесенное России демагогической пропагандой большевиков. Я вижу даже, что можно сделать и что не было сделано, чтобы отсрочить их выступление, разделить его, отвести его. Сегодня же большевизм – это факт. Я его констатирую. Он – сила, которой, на мой взгляд, никакая другая сила в России не может противостоять. Речь идет о том, чтобы выяснить, может ли эта сила быть использована на общие цели, преследуемые Антантой и революцией. Болезнь налицо. Она глубока и, без сомнения неизлечима. Но... я думаю, что вирус большевиков может быть излечен большевиками же и ими одними»⁸. Постепенно Садуль приходит к выводу, что только большевики как единственная деятельная сила смогут улучшить положение дел в России, более того, по его мнению, союзники должны стремиться к тому, чтобы большевики на какое-то время оставались у власти, поскольку России не повредит период относительного порядка.

По мнению Садуля, представители Антанты оказались неспособны найти контакт с новой властью: «С 25 октября я не видел в Смольном ни одного француза – ни журналиста, ни кого бы то ни было еще, а с позавчера, похоже, я – единственный иностранец, который допущен в штаб восстания. А как союзникам было нужно владеть точной информацией и уже давно наблюдать – день за днем – на месте за действиями этих людей... Но они ничего не сумели сделать. Чтобы не казаться чересчур пристрастным, скажу, что наша деятельность, если угодно, не видна ни в том, как она ведется, ни по своим результатам»⁹.

Последующая поляризация сил в России повлекла за собой и расхождения в понимании ситуации внутри французской военной миссии. В то время как основная часть ФРАМИС стремилась к скорейшему отъезду из России, четверо ее членов – Ж. Садуль, П. Паскаль, М. Боди и Р. Пети – вошли в августе 1918 г. в состав французской коммунистической группы в Москве.

Среди представителей творческой интеллигенции Франции, оказавшихся в России в период Революции, выделяется Анри Гильбо. Анархо-синдикалист до Первой мировой войны, он во время нее разде-

⁸ Там же. С. 41.

⁹ Там же. С. 47.

лял пацифистские настроения, а в 1916 г. начал издавать в Швейцарии журнал *Demain*, в котором сотрудничали А.В. Луначарский, Р. Роллан, ряд видных пацифистов, печатались работы В.И. Ленина. Антивоенная, интернационалистская направленность убеждений Гильбо нашла отражение в его поэтическом творчестве, в частности в сборнике стихов «С поля ужасов» (1917). Приговоренный к смертной казни во Франции, Гильбо отправился в Россию, чтобы оценить результаты применения идей марксизма в революционной практике. В 1919 г. он был на I Конгрессе Коминтерна единственным французским участником с правом голоса¹⁰. Входя с этого времени в Исполком Коминтерна, Гильбо в 1920-е гг. работал в газете *Humanité*.

Паломничество в революционную Россию открыло последнюю страницу жизни писателя-публициста Раймона Лефевра, состоявшего с 1916 г. в социалистической партии Франции. Его недолгая литературная карьера (1915-1920) была посвящена борьбе за революционные идеалы. Для многих левых интеллектуалов формула Лефевра «Революция или смерть» стала символом веры. Свой политический путь он начал как сторонник революционного синдикализма, войну встретил как антимилитарист. Надежду на скорое прекращение военных действий Лефевр связывал с грядущей революцией. В письме А. Гильбо (август 1915 г.) он сообщал: «С радостным волнением прислушиваюсь я к росту революционного негодования и с нетерпением ожидаю перемирия или хотя бы первых шагов к установлению мира, которого здесь только и ждут, чтобы начать настоящую кампанию»¹¹.

Тяжело раненый под Верденом, Лефевр в начале 1917 г. демобилизовался из армии, став политическим агитатором. Вместе с Вайяном-Кутюрье и Барбюсом он создал в 1917 г. Республиканскую ассоциацию ветеранов войны и стал ее вице-президентом. Его литературные произведения отражали его политические взгляды. Сатирические памфлеты Лефевра «Бывший солдат» и «Бывший солдат в 1920 году» осуждали буржуазию, богатеющую на крови под прикрытием лозунгов единения с простым народом. Ф.С. Наркирьер усматривает в памфлете «Бывший солдат в 1920 году» широкую программу революционных преобразова-

¹⁰ *Caute D.* Le communisme et les intellectuels français. P. 80.

¹¹ Цит по: *Наркирьер Ф.С.* Французская революционная литература (1914-1924). М., 1965. С. 73.

ний, основанных на историческом опыте Советского государства¹².

Отношение Лефевра к русской революции Д. Кот характеризует следующим образом: «Что касается Раймона Лефевра, новость о революции была для него “ударом грома”. Россия стала для него Святой землей, священным местом для его чувства и разума... И он отправился в эту Святую землю»¹³. В социалистической партии Лефевр возглавлял Комитет борьбы за присоединение к III Интернационалу в этом качестве приехал в 1920 г. в Россию для участия в работе II Конгресса Коминтерна. В ходе визита он получил от советского руководства предложение совершить поездку по Украине вместе с анархо-синдикалистскими делегатами Ж. Лепти, М. Вержа и переводчиком А. Тубиным. Возвращаясь во Францию в конце сентября – начале октября 1920 г. они, согласно официальной советской версии, погибли во время шторма в Баренцевом море. Но уже тогда появилась версия о том, что все четверо были ликвидированы по приказу советского руководства, поскольку оказались разочарованы атмосферой и результатами Конгресса и намеревались сообщить о том своим сподвижникам во Франции. Наиболее последовательно и доказательно эта версия обоснована в воспоминаниях Марселя Боди, бывшего члена Французской коммунистической группы.

Идейная эволюция другого левого интеллектуала Франции – Виктора Сержа, известного журналиста и писателя также привела его к большевизму. За свою бурную жизнь Серж прошел извилистый путь от французского анархизма к испанскому синдикализму, затем к русскому большевизму, и наконец к левому анти-totalитаризму. Повороты его судьбы напоминают приключения героя авантюрного романа: «анархистский агитатор в Париже, друг гильотинированных «экспроприаторов»; узник французской тюрьмы; влиятельный большевик, формирующий штаб мировой революции в осажденном Петрограде; агент Коминтерна, готовящий восстание в Германии; участник антисталинской оппозиции, преследуемый ГПУ; политический узник в Оренбурге; эмигрант, вынужденный бежать в Мексику из Европы, раздираемой германским фашизмом и советским коммунизмом»¹⁴. Если рассматривать интеллектуала в духе социологии П. Бурдьё как «агента культуры»,

12 Там же. С. 80.

13 Cauter D. Le communisme et les intellectuels français. P. 78.

14 От издательства // Серж В. От революции к тоталитаризму: воспоминания революционера. М., Оренбург, 2001. С. 5.

то пример Сержа, по мнению В.А. Бабинцева, наводит на мысль о над-национальном характере левой культуры:

«Личность на стыке культур: русский по крови и духу, европеец по воспитанию и француз по литературному языку. Левый активист, изнутри постигший анархизм и коммунизм, отринувший сталинизм во имя троцкизма и троцкизм во имя свободы мысли, человек действия и рефлексии, вся активность которого на исходе жизни свелась к пределам письменного стола. Один из немногих еретиков, чудом избежавших костров сталинской инквизиции»¹⁵.

Виктор Серж (настоящее имя Виктор Львович Кибальчич) родился в Брюсселе в семье русских революционеров-эмигрантов. С молодых лет участвовал в анархистском движении Бельгии, Франции, Испании. Входил в «Брюссельскую революционную группу»; во Франции работал в газете *Anarchie*, созданной анархо-индивидуалистом Альбертом Либертадом. В 1913 г. был осужден за связь с анархистской «бандой Бонно», грабившей банки. Перебравшись в 1915 г. в Испанию, вступил и там в анархо-синдикалистское движение. Участвовал в Барселонском восстании 1917 г. Арестованный во Франции в 1919 г., был передан Советской России в обмен на задержанного чекистами француза.

Своей исторической родине – России – Серж отводил особую миссию. Еще в период работы в *Anarchie* он писал в 1910 г.: «славянская раса более молодая, ибо пришла в цивилизацию позднее... Она может от нее воспринять все лучшее и отринуть ее пороки». Особую надежду Серж возлагал на особенности русского национального характера: «они умеют бороться, действовать как думают, идти до конца»¹⁶. Русская революция была принята им восторженно, поскольку в ней он увидел начало осуществления либертарных принципов. К тому же, Серж был разочарован в возможности реализовать анархистские идеи в Европе. После неудачи Барселонского восстания он писал: «В результате августовского восстания 1917 г. в Барселоне погибло несколько десятков людей с той и другой стороны. Борьба угасла, однако движение рабочего класса не остановилось. Мой путь лежал в Россию. Поражение 19 июля сделало решение окончательным, я больше не надеялся на победу здесь и устал от дискуссий с активистами, которые зачастую казались

15 Бабинцев В.А. Еретик эпохи ортодоксов // Виктор Серж: социалистический гуманизм против тоталитаризма. Материалы международной научной конференции. М., 2003. С. 7.

16 Serge V. Le Retif. Articles parus dans «l'Anarchie» 1900-1912. P., 1989. P. 145.

мне большими детьми»¹⁷. Тогда Серж еще мало знал о большевизме, но его привлекала решимость большевиков немедленно осуществить свою программу, не довольствуясь дискуссиями и пропагандой.

Оказавшись в 1919 г. в России, Серж вступил в Коммунистическую партию. Свой выбор в пользу большевизма он объяснял тем, что никакая другая из революционных партий и групп не могла предложить ничего адекватного ситуации: «Я буду с большевиками потому, что лишь они упорно, не унывая, с замечательным рвением и обдуманной страстностью делают всё, что необходимо, потому что лишь они могут сделать это, взяв на себя ответственность за любые начинания и проявляя удивительную силу духа»¹⁸. Однако, оставаясь в глубине души анархистом, Серж до конца не смог принять предложенные большевиками централизацию и огосударствление всей жизни общества.

Сделавшись коммунистом, Серж, в сущности, по-прежнему оставался либертаристом. Американская исследовательница С. Вейсман довольно точно определила эту его особенность: анархизм был для него образом жизни, большевизм же привлек способом социального переустройства¹⁹. По свидетельству М. Боди, анархистское прошлое Сержа вызывало настороженность среди большевистского руководства: «Из-за анархо-индивидуалистического прошлого Виктор Серж рассматривался если не как подозрительный, то, по крайней мере, как сомнительный элемент, но в то же время весьма полезный для работы, которой от него ждали»²⁰.

Сам Серж так объяснил свой союз с большевиками в 1919 г.: «Мой выбор сделан, я не против большевиков и не нейтрален по отношению к ним, я буду с ними, но сохраню свою свободу, не отрекусь от способности мыслить критически... Но противопоставить их ошибкам свободу духа и дух свободы можно лишь находясь среди них»²¹. В России начала 1920-х гг. Серж выполнял множество функций в качестве партийного агитатора, лектора, сотрудника редакции «Коммунистического Интернационала». Первое время, даже будучи не согласен с теми или иными действиями советского руководства, Серж все-таки верил, что

17 Серж В. От революции к тоталитаризму. С. 74.

18 Там же. С. 95.

19 Weissman S. Victor Serge: The course is set on hope. L.-N.Y., 2001. P. 21.

20 Body M. Les groupes communistes français de Russie 1918-1921. P., 1988. P. 35.

21 Серж В. От революции к тоталитаризму. С. 95.

временное отступление от истинных, по его мнению, ценностей революции, прежде всего свободы, будет исправлено после полной победы пролетариата над остатками контрреволюции.

Среди членов французской коммунистической группы в Москве особое место занимала парадоксальная фигура Пьера Паскаля. Его приход «в коммунизм» – это не политический выбор марксиста, но моральный выбор христианина. В 1918 г., вопреки приказу Французской военной миссии об отъезде на родину, лейтенант Паскаль остался в России и вступил во французскую коммунистическую группу. Более подробно об идейной эволюции Паскаля читатель может узнать из статьи В.А. Бабинцева, публикуемой в настоящем выпуске «Ежегодника».

Еще одним примером перехода на позиции большевизма человека, не разделявшего до революции левых убеждений, является идейная эволюция Рене Маршана. Военный корреспондент газеты *Figaro* в России был настоящим почитателем царизма и, по выражению Д. Кота, «вовсе не казался предназначенным когда-либо стать большевиком»²². В книге «Почему я принял формулу социальной революции» (1919) Маршан признавал, что никогда не стремился «обновить» правительство, режим или свергнуть монархию, а напротив, желал сохранения существующих в мире порядков²³. Начавшаяся в 1917 г. революция интересовала его лишь тем, будет ли Россия и дальше участвовать в войне. Маршан надеялся, что Временное правительство сумеет выполнить союзнические обязательства перед Францией. Позднее он отмечал: «Со своей стороны – и в этом состояла моя ошибка – я не видел иного спасения, кроме Керенского и, пренебрегая Советами, тем более что они эволюционировали к большевизму, я связывал все свои мысли и надежды с главой Временного правительства, которого считал тогда единственно способным “спасти Россию”»²⁴.

Октябрьские дни 1917 г. только усилили его негативное отношение к большевизму, который оставался для него лишь проявлением демагогии и насилия. Маршан считал, что приход к власти большевиков угрожает анархией, разрухой, утратой дисциплины и порядка, к тому же «большевики, я оставался в этом убежден, были агентами немцев и

22 *Caute D.* Le communisme et les intellectuels français. P. 83.

23 *Marchand R.* Pourquoi je me suis rallié à la formule de la revolution social. Petrograd, 1919. P. 6.

24 *Ibid.* P. 15.

узурпаторами власти, которые “убили русскую революцию” и направили Россию в пропасть»²⁵. В тех условиях, когда, по его мнению, революция была убита большевизмом, Маршана обратился к идее монархического правления, которое позволило бы вновь превратить Россию если не в активного борца с немцами, то хотя бы в сторонника этой борьбы.

С самого начала революции Маршан восхищался идеей создания Советов как органа осуществления прямой воли народа. По той же причине он поддерживал и идею установления «народной монархии». Еще при царе он неоднократно заявлял, что русская монархия не должна эволюционировать к бессильному парламентаризму, неспособному ее обновить, а должна обратиться к собственным истокам — к глубоким национальным традициям русского народа, от которых она оторвалась, став самодержавной²⁶. В качестве примера народной монархии, «забытой» русским царизмом, Маршан называл правление первых варяжских князей на Руси. Суть народной монархии, согласно Маршану, заключается в формуле народного правления — непрерывном и непосредственном участии народа в государственной жизни. При этом правитель не возвышается над народом, а, напротив, является его эманацией.

Свой переход от идеи народной монархии к поддержке большевизма Маршан датировал июлем 1918 г. и связывал с влиянием следующих факторов: 1) иностранной интервенцией, которая вызвала в стране голод и анархию, выявив истинную сущность империалистических держав, с одной стороны, и большевиков, с другой; 2) возникновением системы Советов, в которой он увидел воплощение своей идеи о народном правлении. Ну а поскольку Советы контролировались в то время большевиками, то и власть их, соответственно, стала восприниматься им как выражение воли народа: «формула Советов была неотделима от большевизма, или... большевизм был ничем иным, как практическим воплощением этой формулы»²⁷. Именно система Советов как правление народа, то есть широких масс крестьян, солдат и рабочих, вызывала наибольшее восхищение Маршана, видевшего в ней величайшее достижение пролетарской революции.

В течение лета 1918 г. французский корреспондент пришел к убеж-

25 Ibid. P.36.

26 Ibid. P. 41.

27 Ibid. P. 42.

дению, что Советское правительство пользуется поддержкой народа и является единственно способным вывести страну из кризисной ситуации. Д. Кот отмечает: «Активизация интервенции [Антанты в России] после поражения Германии сделала из этого французского консерватора коммуниста и изгнанника»²⁸. Отныне он считал своей задачей разоблачение французского капитализма и действий буржуазии по удушению русской революции.

Таким образом, основными факторами, обусловившими принятие французскими левыми русской революции, стала антивоенная политика большевистской власти. Она отвечала их антимилитаристским и пацифистским настроениям конца Первой мировой войны. Важное значение в формировании отношения французских левых к Советской России стала такая черта их представлений, как убежденность в необходимости революции, способной произвести переустройство мира на справедливых началах.

Однако достаточно скоро у многих французских левых на смену первоначально восторженному восприятию революционных событий в России стало приходить осознание недостатков советского строя. Достаточно четко эти противоречия между их представлениями об идеальной революции и реалиями революции в России проявились уже к 1921 г. Традиционно в представлениях левых Франции понятия «революция» и «свобода» существовали в неразрывном единстве. Конечной целью революции в их понимании являлось установление свободы во всей ее полноте, к чему, как им сначала казалось, якобы и стремились большевики. Но при внешнем сходстве цели – достижение свободы – свободу эту большевики и французские левые интеллектуалы понимали по-разному. В произведениях А. Гильбо, Р. Роллана, М. Мартине, П.-Ж. Жува, Ж. де Сен-При воспевалась идея «негативной» свободы, то есть «свободы от» сил, нарушающих личную свободу человека, прежде всего – от господства буржуазии, от капиталистического гнета, от правительства. То есть свобода понималась скорее как освобождение и невмешательство. Большевики, в свою очередь, выступали как сторонники «позитивной свободы», носителем и творцом которой выступает коллективное «Я» (партия и пролетариат). Это не исключало уничтожения многих личных свобод ради свободы коллективной. Идеализиро-

28 *Caute D. Le communisme et les intellectuels français. P. 83.*

ванное представление французских левых о свободе впервые столкнулось с грубой реальностью в ходе Кронштадтского мятежа. Отношение многих французов к кронштадтским событиям выражают слова Марселя Боди: «Кронштадтская трагедия оставила во мне неизгладимый шрам», которыми он открывает в своих воспоминаниях главу «Я отхожу от партии».

Кронштадт стал не только признаком глубочайшего политического кризиса в Советской России, он выявил также коренные противоречия между большевиками и французскими левыми (среди которых было немало анархистов) относительно методов борьбы за новое общество. Кронштадтский мятеж, основными участниками которого были матросы крестьянского происхождения, солдаты и рабочие, изображался Советским правительством как заговор, подготовленный французской разведкой и бывшим царским генералом Козловским. Фальсификация событий и жестокие действия большевистского режима привели западных революционеров к осознанию того, что русская революция предана и люди, находившиеся в ее авангарде в 1917 г., теперь уничтожаются режимом. Однако больше всего французов возмутило открытие, что большевистская партия систематически лжет уверовавшим в нее и в революцию людям. Серж так описывает свое первое впечатление от этого:

«По пути в райком я встретил товарищей, вооруженных маузерами, которые сообщили, что все это – мерзкая ложь, что восстали матросы. Произошел мятеж на флоте под руководством совета. От этого было не легче, напротив. Самым худшим являлось то, что официальная ложь парализовала нас. Еще никогда наша партия так не лгала нам»²⁹.

Требования Кронштадтского совета были восприняты анархистскими представителями французского левого движения как своеобразная попытка обновления революции; программа кронштадтцев, предусматривавшая перевыборы Советов тайным голосованием, свободу слова и печати для всех революционных партий и групп, свободу профсоюзов, освобождение политзаключенных из числа революционеров, свертывание официальной пропаганды и другие требования, соответствовала представлениям французских левых интеллектуалов о един-

29 Серж В. От революции к тоталитаризму. С. 152-153.

стве свободы и революции. Более того, в ней находили свое отражение идеи «негативной» свободы – о реализации личной свободы каждого, о возможности свободного высказывания любого человека, являвшиеся, по мнению многих французских левых, конечной целью Революции. Обнародованные требования кронштадтцев показали лживость официальной пропаганды: «Постепенно, час за часом, правда проникала через дымовую завесу прессы, буквально сорвавшейся с цепи в своей разнузданной лжи, пресса нашей революции, первая в мире социалистическая, то есть неподкупная и беспристрастная»³⁰.

Второе, против чего выступили французы, сохранявшие черты анархистского мировоззрения, – это насильственное подавление Кронштадтского восстания. По их мнению, необходимо было предотвратить такое развитие событий, найти разрешение конфликта мирным способом. Представление большевиков о допустимости применения любых методов ради так называемого «высшего блага», причем не против врагов революции, а против ее активных бойцов, было для них неприемлемо. Особенно возмущало поведение большевистского руководства, решившегося на кровопролитие, его некомпетентность. Серж отмечает: «... в самом начале конфликта, когда его легко можно было погасить, большевистские руководители захотели действовать лишь силовыми методами»³¹. Французские левые поддерживали стремление западных анархистов выступить посредниками в конфликте.

Кроме того, французских левых поразило то, что уничтожению подвергся авангард Октябрьской революции 1917 г. – некогда наиболее решительные сторонники Советской власти. Французы подчеркивали, что участники Кронштадтского выступления – **рабочие и матросы, опора Советов, истинные революционеры**. Стихийная революционность масс в октябре 1917 г. оценивалась французскими левыми гораздо выше, чем деятельность большевистской партии, а потому расправа с представителями революционного народа казалась им невероятной.

Кронштадт стал одной из рубежных точек в представлениях французских левых интеллектуалов, поставив под сомнение единство понятий Свобода и Революция в реальной революционной практике. По выражению Сержа: «Кронштадтский мятеж открыл период растерян-

30 Там же. С. 153.

31 Там же. С. 155.

ности и сомнений»³² не только в отношениях попутчиков большевизма и большевиков, но и внутри самой Коммунистической партии, поскольку «кронштадтский эпизод поставил вопросы об отношении между партией пролетариата и массами, проблемы внутреннего режима партии, социалистической этики (весь Петроград был обманут властями, объявившими кронштадтское движение белым), человечности как в классовой борьбе, так и внутри классов»³³.

Кронштадтский мятеж заставил французских левых усомниться в необходимости дальнейшего сотрудничества с большевистской властью. Оказавшись в тупике, они должны были искать выход. В. Серж, П. Паскаль, Б. Суварин и некоторые другие нашли его в коммунарном движении, как ничто более, соответствовавшим их идеалу Свободы в революции. Серж и Боди вошли в число основателей сельскохозяйственной «Новоладожской французской коммуны». В своих воспоминаниях Серж так описывает этот опыт: «Однажды мы решили, что выход найден. Создадим сельскохозяйственную колонию в самой что ни есть русской деревне, ...и будем жить на отшибе. Печальные просторы русской земли бесконечно привлекательны. Мы без труда получили в свое распоряжение большое бесхозное имение, сотни гектаров леса и полей, тридцать голов крупного рогатого скота, бывшую усадьбу недалеко от Ладожского озера и основали там вместе с французскими коммунистами, венгерскими военнопленными, врачом-толстовцем и моим тестем Русаковым Новоладожскую французскую коммуну. Мы отважно пустились в этот эксперимент»³⁴.

В начале 1922 г. в Ялте также была организована коммуна либертарно настроенных попутчиков большевизма, среди которых были П. Паскаль, Н. Лазаревич, итальянский анархо-синдикалист Франческо Гецци. Паскаль позднее вспоминал: «Это был сад, брошенный хозяином-болгарином и переданный местным Советом двум итальянским анархо-синдикалистам, бежавшим от фашистов, Франческо Гецци и Тито Скарчелли. В доме после Гражданской войны ни окон, ни дверей, зато климат райский. Фруктов и овощей почти хватало для жизни...

32 Там же. С.160.

33 Цит. по: Жукова И.В. Виктор Серж о советском тоталитаризме // Виктор Серж: социалистический гуманизм против тоталитаризма. С.34.

34 Серж В. От революции к тоталитаризму. С. 179.

Кроме постоянного ядра коммуны, были и временные визитеры, и мы шутя насчитали шестнадцать уклонов»³⁵. Коммуна просуществовала до осени 1922 г. и распалась после налета ГПУ, искавшего Лазаревича.

Таким образом, идейный отход Сержа и Паскаля от большевизма не был связан с его открытой критикой и обличением, а ознаменовался погружением в идеалистические либертарные идеи и эксперименты. Характеризуя этот период своей жизни в России, Серж писал: «Мы спрашивали себя, как сохранить принцип свободомыслия, как доказать, что он не является контрреволюционным»³⁶. Несмотря на несоответствие практики революции и представлений французских левых о свободе, революция по-прежнему оставалась для них величайшим событием, шансом освобождения, и потому свою роль они видели в выявлении и поддержании в ней духа свободы.

Будучи лишь попутчиками большевизма, Серж, Паскаль, Гильбо, Садуль не могли не замечать отрицательных сторон революции, и прежде всего того, что она принесла с собой голод и террор и сразу же уничтожила слишком много свобод. Характеризуя русский марксизм, Серж вменял ему в вину прежде всего то, что он не сумел стать либертарным. По мнению Сержа, большевистские лидеры должны были искать решения проблем не в государственном принуждении, а на путях расширения свободы масс: «после победы в Гражданской войне социалистическое решение проблем новой общественной организации следовало искать в рабочей демократии, соревновательности инициатив, свободе мнений, свободе рабочих объединений – а не, как было, в монополии на власть, подавлении инакомыслия, “монолитности” единственной партии, узкой ортодоксии правительственной мысли»³⁷. Здесь опять налицо четкое противопоставление личной свободы коллективному «Я», претендующему на монопольное обладание свободой. Исходя из представления об единстве свободы и революции, Серж не мог не отметить того, что «боязнь свободы... характеризует почти весь путь русской революции... Свобода столь же необходима социализму, как кислород живым организмам»³⁸. Как решительный сторонник свободы Серж был

35 *Pascal P.* Pages d'amitié. 1921-1928. P., 1987. P. 158-159.

36 *Серж В.* От революции к тоталитаризму. С. 183.

37 *Серж В.* Сила и пределы марксизма // Виктор Серж: социалистический гуманизм против тоталитаризма. С. 132.

38 Там же. С. 133.

разочарован тем, что прибыв в Россию, не обнаружил дискуссий, соперничества идей, борьбы мнений, хотя его и покоряли твердость и решительность большевиков – людей «нового типа».

С середины 20-х гг. начался новый этап, когда в системе представлений европейских левых, находившихся в России, наметилась принципиальная перестройка. Происходило замещение центрального понятия свободы понятием справедливости. Отрицая возможность своей победы в буржуазном государстве, они проявляли склонность воспринимать все происходившее в советской России как пусть не вполне удачную, но все же попытку преобразования общества на справедливых началах. Таким образом, можно согласиться с мнением Ричарда Гримана о том, что «идеалом, привлечшим к Советской России либертарно настроенных людей вроде Сержа, была ленинская полуанархистская концепция государства-коммуны, базирующаяся на массовой инициативе снизу, вооруженном народе, ответственности и сменяемости всех государственных служащих... Но к тому времени, когда Серж приехал в Россию... лишь немногое осталось от этой бившей ключом инициативы. Вместо нее Серж столкнулся с суровой реальностью революционной диктатуры, говорящей одним голосом, предпринимающей драконовские меры, старающейся выжить в отчаянных условиях борьбы против могущественных и упорных врагов»³⁹.

Таким образом, изначальное расхождение в содержании понятий свободы и революции у французских левых, с одной стороны, и у большевиков – с другой, в конечном счете привело их к идейному размежеванию. В «романтический» период русской революции эти противоречия были трудноуловимыми в ярком свете общей цели – свободы. Вопрос о средствах и способах ее достижения считался не политическим, а, лишь техническим, иначе говоря, второстепенным и вполне разрешимым. Однако именно технические и, на первый взгляд, «второстепенные» аспекты нередко и определяют развитие действия на авансцене политики.

39 Гриман Р. Виктор Серж и русская революция. М., 1994. С. 11.